

О политическом сознании русского общества во второй половине XVIII в.

Е. Н. Марасинова

Объективные закономерности исторического развития России определили доминирующую роль государства практически во всех сферах жизни общества — политической, экономической и идеологической. В данной работе речь пойдет об образе подданных в восприятии престола и той терминологии, с помощью которой выстраивались и функционировали отношения власти и личности в России XVIII века.

К концу XVII столетия социальная иерархия общества следующим образом отражалась в высочайше заданном «понятийном аппарате» прошений на высочайшее имя: представители податного населения должны были подписываться «сирота твой», духовенства — «богомолец твой», а служилым людям следовало именовать себя «холоп твой». 1 марта 1702 г. формуляр посланий монарху был изменен именным указом Петра «О форме прошений, подаваемых на высочайшее имя»: «На Москве и во всех городах Российского царства всякого чину людям писать в челобитных нижайший раб»¹. Объединение населения страны наименованием «раб» в отношении верховного правителя означало терминологическую фиксацию роста самодержавной власти, увеличение дистанции между престолом и подданными и стимулировало сакрализацию личности монарха в русском общественном сознании. В данном контексте понятие «раб» было практически лишено уничижительного значения. В России XVIII в., где служба монарху возводилась в ранг важнейшей мировоззренческой ценности, роль «слуги царя» столь же возвышала подданного, как смирение «раба Божьего» украшало праведника. Анализ прошений на высочайшее имя после 1702 г. свидетельствует, что новый формуляр и, в частности, подпись «Вашего Величества нижайший раб» легко был усвоен челобитчиками и быстро перешел в разряд автоматически воспроизводимых штампов.

Официально заданное наименование подданных сохранилось и неоднократно подтверждалось вплоть до 1786 г., т. е. до указа Екатерины II «Об отмене употребления слов и речений в прошениях на Высочайшее имя и в Присутственные места подаваемых челобитен»². Согласно указу, подпись «верноподданный раб» трансформировалась в посланиях на высочайшее имя в понятие «верный подданный». Подобный выбор стал выражением провозглашенного и узаконенного изменения официальной концепции отношений

Марасинова Елена Нигметовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

престола и личности, а также импульсом для развития института подданства в российском обществе и дальнейшего осмысления этого понятия.

Понятие «подданный» пришло в русский язык из латинского (*subditus*) через польское влияние (*poddany, poddanstvo*)³. В XV—XVI вв. этот термин наиболее часто употреблялся в значении «подчиненный, зависимый, покоренный» при описании взаимоотношений монарха и населения зарубежных государств. Лишь с XVII столетия слово «подданный» начинает активно использоваться для характеристики «подверженности» жителей Московской Руси власти царя и приобретает другой смысловой оттенок, выражающийся в понятиях «преданный, верный, покорный»⁴. Законодательство XVIII в., особенно его второй половины, свидетельствовало об усложнении официальной трактовки института подданства и использовании властью этого понятия в качестве орудия социального контроля. Анализ исходящих от престола документов обнаружил дифференцированное отношение к подданным империи: абсолютизм Екатеринославского царствования различал «старых», «природных» и «новых» подданных, кроме того — «временных» и «постоянных» подданных, в официальных текстах также упоминаются «полезные», «просвещенные», «истинные» верноподданные, и, наконец, признается существование «знатных» и «низких» подданных. Главной референтной группой для власти были «знатные подданные», что распространялось, в частности, на немногочисленную элиту «иноверцев» и населения присоединенных территорий, так называемых «новых подданных».

В русском языке XVIII в. существовал еще один термин — «гражданин», выражающий взаимоотношения государства и личности и встречающийся в законодательстве, публицистике, а также в художественной и переводной литературе. Это понятие было одним из самых многозначных, о чем свидетельствует антонимический ряд противостоящих по смыслу слов и придающих эволюции значения термина «гражданин» особую полемическую напряженность. Конфликтное содержание отсутствовало лишь в дихотомиях «гражданский — церковный», «гражданский — военный»⁵. К концу столетия и в законодательстве, и в независимой публицистике светская сфера и духовное начало не разъединялись, а, напротив, часто объединялись, что акцентировало универсальность того или иного описываемого явления. Н.И. Новиков, опубликовав в «Трутне» нравоучительные послания племяннику, обличал «слабость человеческую» и «грехи» «противу всех заповедей, данных нам чрез пророка Моисея, и противу гражданских законов»⁶. Приблизительно в те же годы Никита Панин в проекте Императорского Совета выделил основные черты государственного правления, к которым отнес, в частности, «духовный закон и нравы гражданские, что называется внутренней политикой»⁷. В «Сентенции о наказании смертию казнию самозванца Пугачева и его сообщников» одновременно цитировалась «Книга Премудрости Соломона» и Уложение 1649 г., поскольку приговор «возмутителю народа» и «ослепленной черни» выносился как на основании «Божественного», так и «гражданского законов»⁸. В «Наказе» Уложенной комиссии также говорилось, что «в самой вещи Государь есть источник всякой государственной и гражданской власти»⁹. Кроме того, традиционно в русском языке различалась власть «гражданская, светская и духовная». В XVIII столетии эти различия обогащаются такими понятиями, как «гражданские и военные чины», «гражданская и церковная печать»¹⁰ и т.п.

На основании словарей русского языка XVIII в. можно сделать вывод, что первоначальное значение слова «гражданин», подразумевающее жителя города (града), сохраняло свою актуальность и в рассматриваемое время¹¹. Однако в данном случае словари отражают более раннюю языковую традицию. В «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г. жители городов именуются не просто «гражданами», а «верноподданными гражданами городов наших», которые по терминологии официальных документов Екатеринославского царствования объединялись в неопределенную по своему социальному составу группу «в городе живущих», включающую «дво-

рян», «купцов», «именитых граждан», «среднего рода людей», «городских обывателей», «мещан», «посадских» и т.д.¹² Павел I, чтобы выхолостить из понятия «гражданин» опасный для самодержавия смысл, вынужден был волею императорского указа возвращать содержание этого термина к его первоначальному значению. В апреле 1800 г. приказывалось не употреблять слова «гражданин» и «именитый гражданин» в донесениях на высочайшее имя, а писать «купец или мещанин» и соответственно «именитый купец или мещанин»¹³.

В Новое время термин «гражданин», исторически связанный во всех языках романо-германской группы с понятием «горожанин» (*Bürger, Stadtbürger, citizen, citoyen, cittadino, ciudades*), также утрачивал свое исконное значение. Однако тот факт, что новое понимание взаимоотношений власти, общества и личности в монархических государствах выражалось именно через понятие «гражданин» имело свою историческую закономерность. По всей Европе горожане были самой независимой частью населения. С.М. Каштанов замечает, что и на Руси «более свободный класс подданных формировался в XVI—XVII вв. в городах»¹⁴.

Важнейшим этапом углубления смыслового значения понятия «гражданин» в русском языке второй половины XVIII в. стал «Наказ» Уложенной комиссии, в котором только этот термин, без учета таких выражений, как «гражданская служба», «гражданская свобода» и т.п., встречается более 100 раз, в то время как упоминаний слова «подданный» насчитывается лишь 10. В законодательных актах второй половины XVIII в. это соотношение выглядит приблизительно как 1 к 100 и свидетельствует о достаточно редком употреблении понятия «гражданин» в официальных документах рассматриваемого периода. В «Наказе», лишенном жестких регламентирующих функций и основанном на трудах Монтескье, Беккариа, Бильфельда и других европейских мыслителей, возникал абстрактный образ «гражданина», имеющего в отличие от «ревностного российского подданного» не только обязанности, но и права. «Имение, честь и безопасность» этого отвлеченного социального субъекта, проживающего в некоем «благоустроенном умеренности наблюдающем государстве», охранялись одинаковыми для всех «сограждан» законами¹⁵. Гигантское расстояние между социальной утопией «Наказа» и реальностью не умаляет принципиального воздействия юридических штудий императрицы на образ мыслей образованной элиты. Сам факт присутствия в документах, исходящих от престола, пространных рассуждений о «гражданской вольности», «равенстве всех граждан», «спокойствии гражданина», «гражданских обществах» и т.п. подспудно стимулировал усложнение смыслового содержания этих понятий в языке и сознании современников.

В данном контексте слово «гражданин» употреблялось как близкое по смыслу термину «гражданство», который значительно раньше был адаптирован в русском языке, чем собственно понятие «гражданин» в значении член общества, наделенный определенными гарантированными законом правами. Многочисленные словари свидетельствуют, что понятие «гражданство», обозначающее общество с определенным устройством, а также законы, социальную жизнь и этику, появляется уже в переводных памятниках XIII—XIV веков¹⁶. Однако представители этого «общества» воспринимались не как отдельные индивидуальности, а как единая группа, которая именовалась тем же термином «гражданство», но уже в собирательном значении: «все гражданство приняло за оружие против неприятеля»¹⁷. В XVIII в. данная языковая традиция сохранялась. Для В.Н. Татищева смысл термина «гражданство» также был тождественен слову «общество». А в проекте А. Волынского «О гражданстве», защищающем поправки во времена бироновщины права дворянства, понятие «гражданин» практически не употребляется. Таким образом, термин «гражданин» для характеристики взаимоотношений личности и государства актуализируется в политической лексике лишь во второй половине XVIII в., чему немало способствовала публицистика российской императрицы, оперирующая просветительскими понятиями и являющаяся

неотъемлемой частью европейской общественной мысли этого периода. В «Наказе» непосредственно заявлялось о существовании «союза между гражданином и государством», а в книге «О должностях человека и гражданина» целая глава посвящалась «Союзу гражданскому»¹⁸.

Однако контекст употребления понятия «гражданин» в документах, исходящих от престола, обнаруживает всю специфику его смыслового содержания в русском политическом языке XVIII века. Обращает на себя внимание полное отсутствие конфликтного противопоставления терминов «гражданин» и «подданный». В книге о «Должностях человека и гражданина» в обязанности каждого вменялось «твердо уповать, что повелевающие ведают, что государству, подданным и вообще всему гражданскому обществу полезно»¹⁹. В законодательстве о «гражданине» упоминалось, как правило, лишь когда в именных указах императрицы цитировался «Наказ»²⁰ или когда речь шла о «состоянии граждан Республики Польской, отторгнутых от анархии и переданных во владение Ее Величества» на «правах древних подданных»²¹. В общественной публицистике нередко были случаи прямого отождествления понятий «гражданин» и «подданный». Так Новиков полагал, что в учении розенкрейцеров нет ничего «противного христианскому вероучению», а орден «требует от своих членов, чтобы они были лучшими подданными, лучшими гражданами»²².

Подобное словоупотребление свидетельствовало, прежде всего, о том, что в середине XVIII в. и для власти, и для большинства современников понятие «гражданин» не было символом противостояния абсолютизму. Этот термин часто употреблялся с тем, чтобы акцентировать не только существование всеобщей зависимости подданных от престола, но и наличие так называемых горизонтальных отношений между жителями империи, которые в данном случае именовались «сгражданами».

В это время в противоположной части Европы происходили принципиально другие процессы, также нашедшие свое отражение в языке. По выражению Жозефа Шенье и Бенжамена Констан «пять миллионов французов умерли для того, чтобы не быть подданными»²³. В 1797 г. историк и публицист Жозеф де Местр, явно не сочувствующий драматическим событиям в восставшем Париже, писал: «Слово гражданин существовало во французском языке даже до того, как Революция захватила им. дабы его обесчестить»²⁴. При этом автор клеймит «неделикое замечание» Руссо о значении этого слова во французском языке. На самом же деле знаменитый философ в трактате 1752 г. «Об общественном договоре» провел своеобразный семантический анализ понятия «гражданин» и точно уловил главное направление эволюции его содержания. «Истинный смысл этого слова почти совсем стерся для людей новых времен, — пишет Руссо, — большинство принимает город за Гражданскую общину, а горожанина за гражданина... Я не читал, чтобы подданному какого-либо государя давали титул *civis*. ... Одни французы совершенно запросто называют себя гражданами, потому что у них нет, как это видно из их словарей, никакого представления о действительном смысле этого слова: не будь этого, они, незаконно присваивая себе это имя, были бы повинны в оскорблении величества. У них это слово означает добродетель, а не право»²⁵.

Таким образом, Руссо указал на единый семантический корень понятий «горожанин» и «гражданин». Затем философ выявил постепенное наполнение последнего термина новым содержанием, отражающим усложнение взаимоотношений власти и личности в XVIII столетии, и, наконец, отметил присутствие в современном ему понимании слова «гражданин» двух смыслов — добродетель и право. Позже, во время Французской революции, «правовая составляющая» полностью восторжествует, потеснив «добродетель» и окончательно уничтожив понятие «подданный» в политическом языке революционного Парижа. Сходные, но не столь радикальные лексические процессы происходили и в немецком языке. Уже в раннее Новое время двойное значение понятия «*Bürger*» было зафиксировано в двух терминах с одинаковой

корневой основой — «*Stadtbürger*», что означало соответственно «горожанин», и «*Staatsbürger*», иначе говоря, «член государства» или «*Staatsangehörige*». Понятия «*Staatsbürger*» и «*Staatsangehörige*», а также наименование жителей немецких земель в соответствии с их национальностями (баденец, баварец, прусак и т.п.) постепенно вытесняли понятие «*Untertan*» («подданный») ²⁶.

Принципиальное отличие русской официальной политической терминологии последней трети XVIII в. заключалось не только в безоговорочной монополии слова «подданный» для определения реальных отношений личности и самодержавной власти. Специфика социальной структуры русского общества, практически лишённого «третьего сословия» в его европейском понимании, отразилась и на эволюции понятия «гражданин», которое, теряя свое первоначальное значение «горожанин», наполнялось исключительно государственно-правовым или нравственно-этическим смыслом и не отягощалось этимологической связью с наименованием класса «буржуа»²⁷. В России второй половины XVIII в. слово «буржуа» практически не употреблялось, а понятие «гражданин» наиболее активно использовалось самой «просвещенной императрицей», связывалось с правами некоего абстрактного подданного «благоустроенного государства» «Наказа» и имело назидательный смысл. Права «гражданина», заявленные на страницах высочайшей публицистики, ограничивались лишь сферой имущества и безопасности, абсолютно не затрагивая область политики. При этом не реже, чем о правах, упоминалось об обязанностях «истинного гражданина», которые ничем не отличались от обязанностей «истинного подданного».

В таких документах, как «Генеральный план Московского Воспитательного дома», а также высочайше утвержденный доклад И.И. Бецкого «О воспитании юношества», основные идеи которого были практически дословно воспроизведены в XIV главе «Наказа» «О воспитании», заявлялось, что «Петр Великий создал в России людей: (императрица Екатерина II) влагает в них души». Престол второй половины XVIII в. разрабатывал «правила, приуготовляющие» быть «желасмыми гражданами» или «прямыми отечеству подданными», что полностью отождествлялось. Наименование «новых граждан» и «истинных подданных» означало высокий порог ожиданий власти, что предполагало «любовь к отечеству», «почтение к установленным гражданским законам», «трудолюбие», «униженность», «отвращение от всяких предрассудков», «склонность к опрятности и чистоте». На «полезных членов общества» налагалась обязанность «паче прочих подданных исполнять Августейшую волю». Определенная политическая зрелость и приверженность «общему благу» должна была проявляться у «гражданина» в ясном понимании необходимости сильного самодержавного правления или «нужды иметь Государя»²⁸. Объективная экономическая потребность России в ведущей роли государственной власти и способность ее осознания трансформировались в официальной идеологии в высшую добродетель «гражданина» и «подданного». Среди главных положений «краткой нравоучительной книги для питомцев» Московского Воспитательного дома, будущих «полных граждан», в качестве основного выдвигался следующий тезис: «Нужда иметь Государя есть самая большая и важная. Без его законов, без его попечения, без его домостроительства, без его правосудия истребили ли бы нас неприятели наши, не было бы у нас свободных дорог, ни земледелия, ниже других художеств, для жизни человеческой потребных»²⁹.

В крепостнической России эталонными заданными властью чертами «истинного гражданина» обладала прежде всего элита дворянства. Подданное население исключалось из разряда «*homines politici*»³⁰ и к «гражданам» не причислялось. Еще в 1741 г. при вступлении императрицы Елизаветы Петровны на престол «пашенные крестьяне» были исключены из числа лиц, обязанных приносить присягу монарху. С этого момента они признавались подданными не государства, а своих душевладельцев. Указом от 2 июля 1742 г. крестьяне лишились права по своей воле поступать на военную службу, а вместе с тем и единственной возможности выйти из крепостного состояния.

В дальнейшем помещикам было разрешено продавать своих людей в солдаты, а также ссылать провинившихся в Сибирь с зачетом рекрутских поставок. Указ 1761 г. запрещал крепостным давать векселя и принимать на себя поручительства без дозволения господина³¹. Власть в целом возложила на дворянина ответственность за принадлежащих ему крестьян, усматривая в этом долг высшего сословия перед престолом.

Подкрепленное законом официальное мнение о политической недееспособности крепостных было доминирующим в среде дворян, воспринимавших крестьянство в первую очередь как рабочую силу, источник дохода, живую собственность. И если в идеологически направленных манифестах престола еще встречались обобщенные термины «народ», «нация», «подданные», «граждане», за которыми угадывался идеальный образ всего населения империи, то в таком документе повседневности, как переписка, наименование крестьянства ограничивалось следующими понятиями: «души», «подлое сословие», «простой народ», «чернь», «поселинцы», «мужики», «мои люди». Крестьян обменивали, отдавали в солдаты, переселяли, разлучали с семьей, продавали и покупали «хороших и недорогих кучера и саровника», как строевой лес или лошадей³². «Здесь за людей очень хорошо платят, — сообщал в одном из писем жене малороссийский помещик Г.А. Полетико, — за одного человека, годного в солдаты, дают по 300 и по 400 рублей»³³.

При этом определения «подлое сословие» и «чернь» далеко не всегда носили резко негативный уничижительный характер, часто этимологически были связаны с понятиями «черные слободы», «простой», «податной» и отражали веками складывающееся представление об изначально определенном положении каждого в системе социальной иерархии. «Худые, никем не обитаемые, кроме мужиков, деревни», «тяготы крепостных» были для помещика привычными с детства картинами жизни людей, которым такая доля «по их состоянию определена»³⁴. Так причудливо трансформировалась в сознании дворянина объективная неизбежность существования и даже усиления крепостничества с его жесточайшим «режимом выживания барщинной деревни»³⁵.

В сознании российского образованного дворянства, составляющего неотъемлемую часть европейской элиты, и самой «просвещенной» императрицы возникала внутренняя потребность так или иначе примирить гуманитарные идеи второй половины XVIII столетия и неумолимую реальность, при которой 90% населения страны относилось к «низкому податному сословию». Еще будучи великой княгиней, Екатерина писала: «Противно христианской вере и справедливости делать невольниками людей (они все рождаются свободными). Один Собор освободил всех крестьян (прежних крепостных) в Германии, Франции, Испании и пр. Осуществлением такой решительной меры, конечно, нельзя будет заслужить любви землевладельцев, исполненных упрямства и предрассудков»³⁶. Позже императрица поймет, что речь шла не о злой воле, не о патологической склонности к угнетению и не об «упрямстве и предрассудках» русских помещиков. Отмена крепостничества в России второй половины XVIII в. была объективно экономически невозможна.

Это обстоятельство усиливалось в сознании дворянина уверенностью в полной психологической и интеллектуальной неготовности крепостных приобрести «звание свободных граждан»³⁷. В документах Московского воспитательного дома непосредственно заявлялось, что «рожденные в рабстве имеют поверженный дух», «невежественны» и склонны к «двум мерзким, в простом народе столь сильно вкоренившимся порокам — пьянству и праздности»³⁸. С точки зрения привилегированного слоя, «низшее сословие» могло существовать только под жестким и мудрым покровительством помещика, и освободить эту «немысленную чернь» означало «выпустить на волю диких зверей». Дворянин был искренне убежден, что разрушение общественного порядка и цепей, связующих общество, невозможно было без изменения сознания самого крестьянина. «Свободному ли (быть) крепостному? — рассуждал А.П. Сумароков, — а прежде надобно спросить: нужна ли ради общего благо-

действия крепостным людям свобода?»³⁹. В анонимной статье «Беседа о том, что есть сын Отечества», которая не совсем аргументировано довольно долго приписывалась А.Н. Радищеву⁴⁰, образ «сына Отечества» отождествлялся с образом «патриота», который «страшится заразить соки благосостояния своих сограждан [и] пламенует нежнейшею любовью к целости и спокойствию своих соотечичей». Эти определения никак не связывались с правами человека, а наполнялись исключительно этическим смыслом и сужали круг обязанностей «сына Отечества», «патриота» и «гражданина» до соответствия конкретным нравственным качествам. Ошибка, которую с точки зрения Руссо, допускали в середине XVIII столетия французы, усматривая в понятии «гражданин» не претензию на политическую свободу, а добродетель⁴¹, была характерна для сознания российского высшего сословия, а, может быть, и в целом для мировоззрения века Просвещения. Автор статьи искренне полагал, что «сын Отечества» является и «сыном Монархии», «повинуется законам и блюстителем оных, придержащим властям и ... Государю», который «есть Отец Народа». «Сей истинный гражданин» «сияет в Обществе разумом и Добродетелью», избегает «любогостия, обжорства, пьянства, щегольской науки» и «не соделывает голову свою мучным магазином, брови вместилищем сажи, щеки коробками белил и сурика». Выражая полное единодушие со взглядом власти на «низшее сословие» и с отношением помещиков к «своей крепостной собственности», автор статьи не сомневался, что те, «кои уподоблены тяглому скоту ... не суть члены Государства»⁴².

Таким образом, в развитии политической терминологии русского языка второй половины XVIII в. запечатлелся еще один парадокс — понятия «гражданин», «сын Отечества», «член Государства» становились нравственным оправданием существования крепостничества. В одной из наиболее переработанных императрицей и отступающих от западноевропейских источников XI главе «Наказа» говорилось: «Гражданское общество требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим — которые повинуются. И сие есть начало всякого рода покорности»⁴³. Все, что мог сделать «истинный гражданин» для несчастных, погруженных «во мрачность варварства, зверства и рабства», — это «не терзать [их] насильем, гонением, притеснением»⁴⁴.

Так постепенно складывалось представление о счастливой доле «простого невежественно народа», для которого пагубна свобода и которому необходимо покровительство высшего «просвещенного» сословия «истинных граждан». В «Наказе» Екатерина дала недвусмысленно понять, что лучше быть рабом одного господина, чем государства: «В Лакедемоне рабы не могли требовать в суде никакого удовольствия; и несчастье их умножалось тем, что они не одного только гражданина, но при том и всего общества были рабы»⁴⁵. Денис Фонвизин во время своего второго заграничного путешествия 1777—1778 гг., сравнив зависимость податного сословия в России с личной свободой во Франции, вообще отдал преимущество крепостничеству: «Я видел Лангедок, Прованс, Дюфине, Лион, Бургонь, Шампань. Первые две провинции считаются во всем здешнем государстве хлеботороднейшими и изобильнейшими. Сравнивая наших крестьян в лучших местах с тамошними, нахожу, беспристрастно судя, состояние наших несравненно счастливейшим. Я имел честь вашему сиятельству описывать частию причины оному в прежних моих письмах; но главную поставляю ту, что подать в казну платится неограниченная и, следовательно, собственность имения есть только в одном воображении»⁴⁶.

Понятийный анализ официальных и личных источников обнаружил запечатленные в лексике скрытые метаморфозы отношений власти и личности в России XVIII столетия, которые не всегда просматриваются с подобной очевидностью при использовании иных приемов анализа текстов. «Холопы», «сироты» и «богомольцы» XVII в. в 1703 г. по воле Петра I все поголовно стали «нижайшими рабами», а в 1786 г. в соответствии с указом императрицы Екатерины II были названы «верными подданными». Это новое наименова-

ние использовалось самодержавием как орудие воздействия на сознание населения исторического ядра империи и жителей присоединяемых территорий, которые для престола превратились в «новых подданных», а для «древних, старых подданных» в «любезных сограждан». В реальной политической практике власть никого не удостоивала именем «гражданина», используя это понятие лишь для создания абстрактного образа «Наказа» и книги «О должностях человека и гражданина». Но даже на страницах высочайшей публицистики некий умозрительный «гражданин» наделялся не правами, а обязанностями и добродетелями, которые носили назидательный характер и ничем не отличались от обязанностей и добродетелей «верного подданного». Ассоциации понятия «гражданин» с республиканской формой правления не слишком волновали власть, когда речь шла об архаике Древней Греции и республиканского Рима, а также о «гражданах республики Польской», которых доблестные войска императрицы избавили от анархии. Но «обезумевшие» «граждане» восставшего Парижа глубоко возмутили самодержавный престол, и Павлу I понадобился специальный указ, чтобы ввести неудобное слово в его прежнее семантическое русло — в 1800 г. под «гражданами» было приказано подразумевать как в старые времена «горожан». Между тем в России последней трети XVIII в. не только понятие «гражданин», но и даже понятие «подданный» было достаточно абстрактным и собирательным. «Новые подданные», которым обещались права и преимущества «древних», очень скоро их получили, правда, эти права в действительности оказались для большинства усилившейся зависимостью, а 90% самих «древних подданных» на практике обычно именовались не «подданными», а «душами» и «низших сословием».

Согласно указу 1786 г. термин «подданный» в качестве подписи становится обязательным лишь для определенного вида посланий на имя императрицы, а именно, для реляций, донесений, писем, а также присяжных листов и патентов. Формуляр жалобниц или прошений, исключая слово «раб», в то же время не предполагал этикетной формы «подданный», «верноподданный» и был ограничен нейтральной концовкой «приносит жалобу или просит имярек». Собственно «подданными» власть признавала очень избранную группу людей. В 1765 г. был опубликован указ, запрещающий подавать прошения лично императрице, минуя соответственные присутственные места. Наказания варьировались в зависимости от чина и статуса «предерзких» челобитчиков: имеющие чин платили в качестве штрафа одну треть годового оклада, а крестьяне отправлялись в пожизненную ссылку в Нерчинск⁴². На «беспосредственное» обращение с жалобами или прошениями к императрице могло рассчитывать лишь ближайшее окружение, направляющее Екатерине не челобитные, а письма.

Законодательное изменение формуляра челобитных и лексики посланий на высочайшее имя было адресовано не только просвещенному европейскому мнению, но и высшему сословию и прежде всего его политически активной элите. Исключение из стандартной подписи прошений какой-либо формы выражения взаимоотношений автора и монарха, с одной стороны, и официально заданная концовка «верный подданный» в личных и деловых посланиях, направляемых к престолу — с другой, свидетельствовали о стремлении императрицы к иному уровню контактов именно со своим ближайшим окружением, в котором она хотела видеть партнеров, а не челобитчиков.

Однако сохранившиеся в архивах и рукописных отделах подлинники многочисленных посланий на высочайшее имя представителей дворянской элиты свидетельствуют, что все они легко мирились с трафаретной подписью «раб», не требовали изменения формуляра и оставили без внимания терминологические нововведения Екатерины. Законодательно измененная концовка посланий императрице молчаливо игнорировалась, и даже дипломатические реляции и политические проекты продолжали поступать за подписью «нижайший верноподданнейший раб».

Верхушка дворянства, которой собственно и было даровано право именоваться «подданными», этим правом пользоваться не торопилась. Некото-

рые же представители образованной элиты вообще осмелились противопоставить понятие «подданный» понятию «гражданин» и превратить данное противопоставление в орудие политического дискурса. За несколько лет до указа Екатерины о запрещении упоминать слово «раб» в посланиях на высочайшее имя и обязательной замене его на слово «подданный» в проекте П.И. Панина «О фундаментальных законах», который сохранился в записи его друга и единомышленника Дениса Фонвизина, говорилось: «Где же произвол одного есть закон верховный, там прочная общая связь и существовать не может; там есть Государство, но нет Отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединились бы узлом взаимных прав и должностей»⁴⁸. Приведенные слова канцлера Панина и писателя Фонвизина являются одним из первых случаев употребления прямой антитезы «подданный»-«гражданин». В этом политическом трактате смысловое содержание слова «гражданин» конфликтно сталкивалось и с такими антонимами, как «право сильного», «раб», «деспот», «пристрастное покровительство», «злоупотребления власти», «прихоть», «любимец», а также углублялось с помощью синонимического ряда, включающего понятия «закон», «благородное любочестие», «прямая политическая воля нации», «свободный человек». В общественном сознании второй половины XVIII в. постепенно складывалась иная, альтернативная официальной, трактовка слова «гражданин», в котором высшая политическая элита дворянства начинала видеть человека, защищенного законом от своеволия самодержца и его личных высочайших пристрастий. Спустя несколько лет после появления проектов Панина-Фонвизина, новый канцлер А.А. Безбородко напишет: «... да истребятя все способы потаенные и где кровь человека и гражданина угнетается вопреки законов»⁴⁹.

В то же время «гражданин» наделялся не только сугубо нравственными добродетелями, свидетельствующими, в частности, о его чистоплотности или целомудрии. Мыслящий дворянин ожидал от «истинного гражданина», коим почитал и себя, определенной политической зрелости и чувства личной ответственности за Отечество, но не за самодержавное государство. Не случайно в проекте Панина-Фонвизина прозвучало мнение, что понятие «Отечество» не исчерпывается образом абсолютной монархии Екатерины. Вспоминания о конфликте императрицы и частного издателя, мыслителя и розенкрейцера Новикова, П.М. Карамзин писал: «Новиков как гражданин, полезный своею деятельностью, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы»⁵⁰. Наконец, в текстах некоторых представителей дворянской элиты понятие «гражданин» сопоставлялось с понятием «человек». Следуя за взглядами Руссо «о переходе от состояния естественного к состоянию гражданскому»⁵¹, Радищев полагал, что «человек рождается в мир равен во всем другому», соответственно «государство, где две трети граждан лишены гражданского звания, и частью в законе мертвы» не может называться «блаженными» — «земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека»⁵².

В целом понятие «гражданин» довольно редко употреблялось в художественных произведениях и публицистике второй половины XVIII столетия, а в частной переписке и вовсе почти не встречалось. Как ни странно, наибольшей популярностью этот термин пользовался у «просвещенной императрицы». Понятие «гражданин» использовалось не спорадически, а для характеристики отношений личности и государства лишь в проектах Панина-Фонвизина и «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. В первом случае, «гражданин» становился символом монархии, где престол окружают не фавориты, а защищенная законом государственная элита, во втором же — право на политическую дееспособность признавалось и за крепостным, имеющим «одинакое от природы сложение»⁵³. Данные идеи нельзя признать уникальными и существующими лишь в сознании упомянутых авторов — подобные мысли были весьма характерны для оппозиционно настроенного

дворянства, однако, далеко не всегда выражались с помощью термина «гражданин». Так М.Н. Муравьев, выражая свое отношение к личности крестьянина, использовал антитезу «простой»—«знатный»: «В тот же самый день простой крестьянин внушил в меня почтение, когда я взирал с презрением на знатного, недостойного своей породы. Я почувствовал всю силу *личного достоинства*. Оно одно принадлежит человеку и возвышает всякое состояние»⁵¹.

Действительно, русская фронда периода правления Екатерины II не собиралась умирать за республику, конституцию и право вместе с собственными крестьянами «именоваться гражданами»: представители самоопределяющейся дворянской культуры даже к дарованной им привилегии подписываться в посланиях императрице «подданный», а не «раб», отнеслись прохладно. Самодержавие в России второй половины XVIII в. будет ограничено не «гражданином», требующим гарантированных законом прав, а личностью с независимой духовной жизнью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянина. Начавшееся ослабление союза образованной элиты и государства применительно к данному периоду проявится на уровне оценочных реакций и терминологических предпочтений. Преодоление непререкаемого авторитета самодержавного правления будет заключаться в поиске иных сфер реализации личности, относительно независимых от имперского аппарата, престола, светской массы. Наиболее думающая и остро чувствующая часть интеллектуалов отдалится от верховной власти и будет пытаться проявить себя на социальной периферии, удаленной от эпицентра действия официальных ценностей. Этот по-своему уникальный для европейской истории процесс начнется уже в царствование Елизаветы и завершится в первой половине XIX столетия. Суть его была сформулирована Ломоносовым и спустя несколько десятилетий воспроизведена Пушкиным. В 1761 г. ученый заявил вельможе И.И. Шувалову: «Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владельцев дураком быть не хочу; но ниже у самого господ Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет». В дневнике 1833–1835 гг. поэт запишет: «Но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутком не буду и у царя небесного»⁵².

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. 1830. (ПСЗ). Т. IV, 1702, № 1899, с. 189.
2. ПСЗ. Т. XXII, 1786, № 16329, с. 534.
3. ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М. 1971, с. 296.
4. Словарь русского языка XI—XVII вв. М. 1995, с. 248; Словарь русского языка XVIII в. Л. 1988, с. 147—148.
5. Высочайше утвержденный доклад Военной Коллегии вице-президента Потемкина об учреждении гражданского правительства в пределах Войска донского. ПСЗ. Т. XX, № 14251, 14 февраля 1775, с. 53.
6. НОВИКОВ Н.И. Избранные произведения. М.—Л. 1952, с. 47.
7. Сборник русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 7. 1871, с. 202.
8. ПСЗ. Т. XX, № 14233. 10 января 1775, с. 5—11.
9. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб. 1907, с. 5.
10. См., например: Именной указ «Об учинении присяги на каждой чин, как военным и гражданским, так и духовным лицам» (ПСЗ. Т. VI, № 3846, 10 ноября 1721, с. 452); Словарь Академии Российской. Ч. IV. СПб. 1806, ст. 1234.
11. СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. Словарь древнерусского языка. Т. I, ч. I. М. 1989, ст. 577; Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. II. М. 1989, с. 380—381; Словарь русского языка XI—XVII вв. М. 1977, с. 117—118; Словарь Академии Российской. Ч. I, ст. 1234.
12. ПСЗ. Т. XX, № 14490, 4 августа 1776, с. 403; т. XXXIII, № 17006.
13. Русская старина, 1872, т. 6, № 7, с. 98.
14. КАШТАНОВ С.М. Государь и подданные на Руси в XIV—XVI вв. Им memoiam. Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб. 1997, с. 217—218, с. 228.
15. Наказ императрицы Екатерины II, с. 1—2, 7—9, 14—15, 24, 27—28, 102.

16. См. об этом также: Хорошкевич А.Л. Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к постановке вопроса). Российское самодержавие и бюрократия. М. Новосибирск 2000, с. 167—168; КАШТАНОВ С.М. Ук. соч., с. 217—218.
17. Словарь Академии Российской. Ч. I, ст. 1235.
18. Наказ императрицы Екатерины II, с. 34; О должностях человека и гражданина. Русский Архив, 1907, № 3, с. 346.
19. О должностях человека и гражданина, с. 347. В этом контексте показательны сравнение текста данного вольного переложения работы Пуффендорфа и оригинала философского трактата немецкого мыслителя. В частности в главе «Обязанности граждан» Пуффендорф пишет не о полном подчинении подданных самодержавию, которому доступно исключительное знание о сущности «гражданского общества», а об обязанностях гражданина или «подданного гражданской власти» в равной степени и перед государством и его правителями, и по отношению к другим «согражданам». PUFFENDORF S. De Officio Hominis Et Civis Juxta Legem Naturalem Libri Duo. NY. 1927, p. 144—146.
20. ПСЗ. Т. XXIII, № 17090, с. 390, 8 декабря 1792.
21. Акты, учиненные с Польским Королевством, веледствие тракта 18 сентября 1773 года. Там же. Т. XX, № 14271, с. 74, 15 марта 1775 года.
22. НОВИКОВ Н.И. Избранные сочинения. М.—Л. 1954, с. 616—617.
23. ЛАБУЛЭ Э. Политические идеи Бенжамена Констан. М. 1905, с. 70—77.
24. МЕСПР Ж. Рассуждения о Франции. М. 1997, с. 105—106.
25. РУССО Ж.-Ж. Трактаты. М. 1969, с. 161—162.
26. Bürger, Staatsbürger, Bürgertum. Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart. Bd. 1. 1972, S. 672—725, Bürger, Bürgertum. Lexikon der Aufklärung. Deutschland und Europa. München. 1995, S.70—72.
27. В «Генеральном плане Московского Воспитательного дома» признавалось существование только двух социальных групп в российском обществе — «дворян» и «крепостных», и ставилась задача воспитания людей «третьего чина», которые «достигши искусства к различным до коммерции касающимся заведениям, вступят в сообщество с нынешними купцами, художниками, торговщиками и фабрикантами». Наименование этого нового «третьего сословия» никак не связывается с понятиями «горожан» и «буржуа». ПСЗ. Т. XVIII, № 12957, с. 290—325, 11 августа 1767.
28. Наказ императрицы Екатерины II, с. 103—105; ПСЗ. Т. XVI, № 11908, с. 346, 348, 350, 1 сентября 1763; № 12103, с. 670, 22 марта 1764; т. XVIII, № 12957, с. 290—325, 11 августа 1767.
29. Там же. Т. XVIII, № 12957, с. 316, 11 августа 1767.
30. ХОРОШКЕВИЧ А.Л. Ук. соч., с. 175.
31. ПСЗ. Т. XI, № 8474, с. 538—541, 25 ноября 1741; № 8577, с. 624—625, 2 июля 1742; № 8655, с. 708—709, 1 ноября 1742; т. XV, № 10855, с. 236—237, 2 мая 1758; № 11166, с. 582—584, 13 декабря 1760; № 11204, с. 649—650.
32. Письмо Г.А. Полетико жене. 1777 г., сентябрь. — Киевская старина. 1893, т. 41, № 5, с. 211. Письмо Е.Р. Данковой Р.И. Воронцову. 1782 г., декабрь. Архив князя Воронцова. М. 1880. Кн. 24, с. 141.
33. Письмо Г.А. Полетико жене. 1777 г., сентябрь. — Киевская старина. 1893, т. 41, № 5, с. 211.
34. Письмо А.С. Шишкова. 1776 г., август. — Русская старина. 1897, т. 90, май, с. 410; письмо В.В. Капниста жене. 1788 г., февраль. Капнист В.В. Т. 2. М.—Л. 1960, с. 314.
35. МИЛОВ Л.В. Общее и особенное русского феодализма. (Постановка проблемы). — История СССР. 1989, № 2, с. 42, 50, 62; его же. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса, с. 425—429, 430—433, 549—550, 563—564.
36. Собственноручные заметки Великой княгини Екатерины Алексеевны, с. 84; Записки императрицы Екатерины Второй, с. 626—627.
37. Письмо И.И. Бецкого в Опекунский совет. 1784 г., октябрь. — Русская старина, 1873, № 11, с. 714.
38. ПСЗ. Т. XVIII, № 12957, с. 290—325, 11 августа 1767; письмо И.И. Бецкого в Опекунский совет, 1784 г., октябрь. — Русская старина, 1873, № 11, с. 714—715.
39. Цит. по: СОЛОВЬЕВ С.М. История России с древнейших времен. М. 1965. Кн. XIV, т. 27—28, с. 102.
40. Многие литературоведы полагали, что статья принадлежит перу А.Н. Радищева. Однако, на мой взгляд, автором статьи следует считать близкого к масонским кругам современника писателя. См. об этом: ЗАПАДОВ В.А. Был ли Радищев автором «Беседы о том, что есть сын Отечества»? XVIII век. СПб. 1993, с. 131—155.
41. РУССО Ж.-Ж. Трактаты, с. 161—162.
42. РАДИЩЕВ А.Н. Полн. Собр. соч. Т. 1. М.—Л. 1938, с. 215—223.
43. Наказ императрицы Екатерины II, с. 74.
44. РАДИЩЕВ А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву, с. 218—219.